

Игорь Гарин

Вальдемар Вебер

Существуют Поэзия и стихоплетческий хлам. Поэзия редкостна, уникальна, штучна, труднодоступна. Ненужного хлама много, и он — везде. Это не порицание, а констатация природы вещей: на тысячи женщин — одна красавица, на сотни способных — один талантливый, на много талантов — один гений. Наверное, так и должна быть устроена жизнь, потому что среди одних Достоевских она вполне могла бы обратиться в ад. Впрочем, можно поставить вопрос и по-иному: можно ли существовать без Гомера, Данте, Шекспира, Гёте? Существовать можно, жить — нельзя...

У.Б.Йитс называл настоящих поэтов «Адамами нового мира», «первопроходцами-изыскателями», потому что Поэзией, Музыкой, Живописью может быть только пионерское и неповторимое, потому что Культура — прокладывание Путей, переоценка всех ценностей, винтовая лестница культуры в Мировой Башне, ведущей ввысь:

Я провозглашаю башню своим символом; я объявляю
Эту извилистую винтовую лестницу, стершимися, выбитыми
Ступенями которой странствовали Гольдсмит и Декан,
Беркли и Бёрк, —
Своей наследственной лестницей.

Поэт — новатор, взращенный всей мировой культурой, чье творение — часть Мировой Памяти, из которой он черпает мастерство и вдохновение, которой отдает подслушанное... Конечно, он учится у классиков, «примеривает» на себя их стиль, аллегории, символы, пытается им подражать. Но Поэтом он становится только тогда, когда установит собственную и неповторимую связь с Небесами. Только тогда и там, в высях, человеку доступны глубины, донные срезы существования, открыта вся мощь бессознательного, и именно там происходит самое главное в жизни человека. Только тогда и там мы приобщаемся к вечности, к иной, невидимой действительности, к самой Поэзии, которая — синтез символизма и реальности, подсознательности и интеллектуализма, небесных знамений и земной правды, духа человеческого и соков земли. Только тогда и там «...торжественная интонация чередуется с разговорной, одические строфы — с уличной песней и балладой». Только тогда

и там — «тетрадь подставлена — струись». Но такое случается крайне редко...

В книге «Непризнанные гении» на большом количестве примеров я показал, как всё это происходит и как невидимые современниками, часто изгнанные и поруганные, несчастные восходят по пути Христа — от распятия к вечности. Увы, очень редко удается отследить этот процесс *in statu nascendi*: мы знаем триумфаторов, так сказать, *post factum*. Но здесь лично мне повезло — удалось узнать нескольких триумфаторов при жизни, в разгар творчества, более того лично знать некоторых из них. Я имею в виду гениальных поэтов и наших современников Мэльда Тотева, Льва Гунина, Фарая Леонидова и Вальдемара Вебера, известных в узком кругу почитателей-ценителей Высокой Поэзии. Ф.Леонидову я написал предисловия к нескольким книгам, с Гуниным и Вебером состою в переписке.

Вальдемар Вебер стал для меня ошеломляющим открытием последнего десятилетия, и практически сразу возникло непреодолимое желание представить его широкой публике.

Родившись в СССР (1944) и будучи этническим немцем, Вальдемар Вебер познал все «прелести» тоталитаризма. Даже закончив Московский институт иностранных языков (1968), вплоть до 1991 предпочитал оставаться «свободным художником», дабы не испытывать начальственного прессинга. Будучи двуязычным поэтом, признанным мастером перевода и одним из ведущих германистов страны в области поэзии, он, невзирая на «железный занавес», сделал духовным достоянием немногих думающих людей сокровища западной литературы.

До эмиграции сам Вебер публиковался от случая к случаю, но составил 9 сборников классической и современной немецкой поэзии на русском языке, в их числе «Из современной поэзии ФРГ». М., "Радуга", 1983, 1988. Т. 1, 2; «Вести дождя: [Стихи поэтов ФРГ и Зап. Берлина]». М., "ХЛ", 1988; «Золотое сечение: [Антология австрийской лирики 19 и 20 вв.]». М., "Радуга", 1988. Вебер переводил на русский стихи Эйхендорфа, Фихте, Кернера, Хольца, Гауптмана, Эренштейна, Тракля, Голля, Бенна, Брехта, Кашниц, Кольц, Меккеля, прозу Хильдесхаймера, Шнурра, Ленца и многих других. Занимался переводами из нидерландскоязычной, сербско-хорватской, шведской и датской поэзии, которые публиковались в периодике и книгах издательств «Художественная литература», «Молодая гвардия», «Прогресс», «Радуга».

Незадолго до отъезда в Австрию (1992) он стал руководителем семинара переводчиков Литинститута. С 1992 по 1995 год

преподавал в университетах Граца, Инсбрука и Вены русскую литературу, историю русско-германских культурных отношений, историю немцев в России. В 1994 переселился в Германию. С 1996 по 1998 год, а также с 2008 по 2010 был главным редактором «Немецко-Русской Газеты». В 2001-2002 основал в Аугсбурге издательство Waldemar-Weber-Verlag, в 2006 году второе издательство Verlag an der Wertach.

На русском опубликовал две книги стихов «Тени на обоях: Стихи». М., «Весть», 1995 и «Черепки. Стихи». М., ЛИА Р.Элинина, 2000. Это книги глубоких философских миниатюр, отражающих самую сердцевину жизни, связывающих время и вечность. Пронизанные печалью и горечью, стихи Вебера одновременно актуальны и вневременны, жгучи и мудры.

Я сразу почувствовал в нем родственную душу, потому что на собственном опыте знал, каково «чужаку» в стране, изо всех многочисленных человеческих градаций знающую только одну — «свой-чужой». Вебер, как и я, долгие годы писал в стол, особо не надеясь на реальность публикаций. Вебер, как и я, опирался на огромные толщи мировой и европейской культуры. Как у меня, главными образами, пронизывающими его тексты, являются жизнь и смерть, время и вечность, пространство и бесконечность. Эти совпадения и резонансы обусловлены как личными интересами и пристрастиями, так и общностью судеб людей, отверженных совковым обществом — не таких как все. По словам Александра Шмидта, мать и отец Вальдемара встретились в лагерьном аду и чудо зарождения новой жизни произошло за колючей проволокой, под «вой конвойных собак».

Хотя поэзия Вебера отмечена несколькими международными премиями (литературная премия министерства культуры герцогства Люксембург (1993), литературная премия Пен-Клуба Лихтенштейна „Liechtensteinpreis-2002“, Первая премия международного конкурса имени Анатолия Маковского за русскую прозу (Кострома-Петербург. 2001), даже сегодня, получив признание в кругах ценителей духовной поэзии и литературы, Вебер, как и я, испытывает проблемы с публикациями своих текстов.

Как у всех великих поэтов, лаконичные и сдержанные строки Вебера «вмещают» в себя огромные пласты мировой культуры — за ними просматриваются силуэты Донна, Гейне, Рильке, Тракия, Целана, Голля, Бена, японских хокку... Налицо какая-то невероятная ёмкость — и не только спрессованной мировой поэзии. В миниатюре, написанной в 1969 году, поверхностный читатель вряд ли обнаружит за экологией «бумажной фабрики»

глубинные слои подтекста, выражающие ужасы человеческого существования:

Бумажная фабрика.
Сплав.
Деревья идут на работу
Там с них сдирают шкуру,
разбивают в щепу,
размалывают,
однородную месят массу.
Им придется многое вынести,
Прежде чем стать бумагой,
Той самой,
Что терпит всё.

Между тем, по словам Александра Шмидта, в этом верлибре просматриваются судьбы огромного числа людей в СССР — и ремизовское «Человек человеку — бревно», и русская народная мудрость «Лес рубят — щепки летят», и появившееся в политическом обиходе страшное слово «отщепенец», и идея чистого листа — *tabula rasa*, которую должны исписать пастыри стада человеческого и которая «стерпит всё»: «В таком контексте ключевые слова «щепка», «масса», «содрать шкуру» образуют смысловое поле такой напряженности, что эмоциональный разряд будит не только мысль, но и совесть».

Александра Козырева, характеризуя поэзию В.Вебера, говорила о «предельной бережности и нежной деликатности к веществу мира в любой форме его проявления, включая самую трагическую». Это в полной мере относится и к его прозе: в «101 километре» о трагедии «русских немцев» говорит человек, далекий от ненависти и озлобления по отношению к палачам своего народа. Это далеко не солженицынские и не шаламовские тексты, хотя страдания немецкого народа уже давно окрестили «Архипелагом ГУЛАГом» российских немцев. Интонации Вебера исключают всякую громкость, пафосность, нравоучения, позу обиженного, роль учителя или пророка, поэт никогда не «пасет» читателя, не говорит авторитарным тоном — всё это заменяют более сильные, скорбные и душераздирающие строки:

Я и не ведал, что смерть
существо такое живое,
такое близкое и родное...

Даже, казалось бы, непреодолимый трагизм человеческого существования у Вебера — только почва для ростков новой жизни:

Выжженные ландшафты сердца.
Каждый раз думаешь:
уже ничему не взрасти
на этих погубленных нивах.
Но взгляни —
цветет,
разрастается буйно крапива
на благодатном,
на благодарном прахе.

Верлибры Вебера — своеобразные медитации, записанные свободным стихом. Еще это не просто абсолютная новизна и глубина, но расширение границ, пространств, смыслов, ценностей... Можно сказать, что пред нами поэт цельности бытия, единства всего существующего, божественности целокупного мира:

Для оправдания тьмы говорят:
без нее ты не увидел бы света,
для оправдания лжи:
не осознал бы правды...
Какова же должна быть степень
тьмы или лжи,
чтобы пробиться
к полному свету,
узнать всю правду!

Мне кажется, нет надобности интерпретировать его стихи, потому что лучше самого поэта — все равно не скажешь. Приводимые ниже стихи Вальдемара Вебер цитируются с разрешения автора.

ИЗ СБОРНИКА «ЧЕРЕПКИ»

ТРЕТИЙ РИМ

Развалины Третьего Рима.
Над площадями веет
запах гниения и дыма.
Воздух холодный
разносит его по миру.
Все слышней глас волчицы
над опустошенным градом.
Ужас охватывает разрушителей, их сыновей...
Они не могут понять,
откуда он, этот зов,
принимая его
за вой конвойных собак...

О кричавшие громче всех,
вопрошавшие небо!
Попрятались?
Страшно?

Черный ворон приехал,
шептались ночью мои родители,
когда забирали соседа...
Я лежал в темноте
и не мог понять,
почему приехал,
а не прилетел.
Наверное, это ворон,
разучившийся летать...
Нарушая запрет,
я пробирался к окну,
вставал на цыпочки,
глядел и глядел
в ночную воронью тьму.

СНЫ

Им снилась кровь.
Но даже себе
они не хотели
сознаться в этом.
Говорили о пурпуре
будущих зорь.

ЛЮБОВЬ К МЕРТВЫМ

С мертвыми проще.
Их можно издать не спросясь.
А можно и не издавать.
Мертвый не друг, не враг,
даже не конкурент.
Похвали его или пни —
не ответит.
Дайте ему отдохнуть!
Дайте сил поднабраться!
Вылежаться хорошенько!
Он еще за себя постоит.

НОСТАЛЬГИЯ

Восточно-берлинскому другу

Наконец на свободе,
смотришь с тоскою назад,
говоришь —
как не крути,
а родина — клетка...
Ах, если б она была
ну хоть на немного побольше,
ах, если бы хоть на часок
порой из нее выпускали...
Воистину, каждый должен
сам мастерить себе клетку!

ВЛАСТЬ НАРОДА

Народ-владыка.
Собственной нищеты

КЛАДБИЩЕ В ПЕРЕДЕЛКИНО

Чье-то надгробье
от мха очищаю
и вижу
к губам приложенный палец:
тише, нам так хорошо от того,
что про нас забыли...

МОГИЛЫ ОТЦОВ

Целое поколение,
выросшее без могил предков.
Иное жизнеощущение.
Палящая отстраненность.
Всплески памяти
при взгляде на облака,
летающие к мертвым.

Посмертные бумаги Мандельштама,
сибирские бесследные снега.
На них углем своей последней боли
писал он, зная, что никто на свете
тех строчек, кроме Бога, не прочтет.

Тебе хочется знать,
как мы жили?
То был коллективный забег
с барьерами из колючей проволоки
на дистанцию без финиша,
без желания обогнать,
без возможности не бежать.

Ты окружен границами,
колючей проволокой,
оградами и заборами.
За твоими дверьми
день и ночь наблюдают.
Пока что ещё тебе позволяют
открытым держать окно.

ИДИЛЛИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Вот трава.
Она зелена.
Вот поле.
Оно широко.
Вот небо.
Оно высоко.
Вот народ,
дающий себя пасти.

ИЗ КНИГИ «ЦВЕТ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ»

Там в глубине России
мы не ждали известий.
Прикладывали ухо
к рельсам железной дороги,
к стенам разрушенных монастырей,
и слушали, слушали...

После войны
в нашем классе
у меня одного
был отец,
за что остальными,
случалось,
я был беспощадно бит.
До сих пор не забыл
вкуса крови во рту

и кто бил и куда.
Ничего не забыл,
но знаю:
им куда тяжелей
помнить об этом.

Совість солдата чиста.
Присяга — священный родник,
в котором он время от времени
ее омывает, словно
лезвие штык-ножа...

ВОЕННАЯ ПОДГОТОВКА

У нашего военрука не было правой руки.
Он почти не рассказывал нам о войне
и совсем ничего
о руке.
Вспоминал,
как пахнет земля и небо
в перерыве между боями,
о службе, о страхе,
о сибирячке-связистке,
и как однажды в окопе
ему захотелось ее пощупать
в самый разгар артобстрела.
Прямо так и сказал
нам, пацанам,
доверительно,
как мужчина мужчинам.

Цвет первой любви,
погибающий от ранних заморозков,
не становящийся плодом.
Набросок иной судьбы,
невоплощенный замысел,
нетленный, как ангел.

ОТЧИЙ ДОМ

Ни один дом не стал родным кровом. Даже тот, где вырос.
Побывал в нем через много лет, но не ощутил волшебства,
исходящего от стен, не почувствовал сокровенной связи,
о которой пишут другие. Об остальных пристанищах,

где жил, где любил, и говорить не стоит,
забывал о них, стоило затворить за собою дверь.
А бабушка только и вспоминала,
как споткнулась о порог,
когда ее изгоняли.

Священная месть.
Что тут главное:
Первое иль второе?

Собственная смерть
не представима.
Еще невозможней
представить
собственное бессмертие...

СУБЛИМАЦИЯ

Колчан
ядовитых слов.
Собирал их
всю жизнь,
но так и не выстрелил
ни одним.
Вся энергия
пошла
на собирательство.

ПОСЕЛОК ЗАСЛУЖЕННЫХ БОЛЬШЕВИКОВ

Потомки их жертв
гуляют среди них без опаски,
как овцы среди каменных львов

Поражения
останавливают
победное шествия суеты,
заставляют присесть у огня.

Откуда у них эта уверенность,
что вот теперь наконец-то
они идут верной дорогой.
Ведь каждый раз забредали

черт знает куда...

Ничто не проходит так быстро,
как чужое несчастье.

А. Казанской
Каждый день просыпаюсь от боли
с надеждой,
что боль не моя,
а чужая...
Мне стыдно,
мне страшно,
но боль надежды
сильней стыда и страха

Со временем горе
начинает светиться
как мрак, к которому привыкаешь.

Смерть,
учительница жизни,
чересчур строгая,
чтобы быть любимой,
но умеющая внушать уважение.
Стыдно до смерти
приходить неподготовленным
к ее урокам.

Неволя горя.
Пожизненный срок
без надежды на помилование

* * *

Писать,
чтобы познать себя.
Каждый день — штрих
к собственному портрету.
Во что бы то ни стало
стать на себя похожим.